

VI. Рецензии

«Антисоветчики» и диссиденты

Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953-1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. Под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. Отв. составитель О.В. Эдельман при участии Э.В. Завадской. Москва: «Материк», 2005. 430 с.

Книга представляет из себя сборник ранее не публиковавшихся документов (общим числом 138) и аналитических комментариев к ним в виде обзорных статей и пространного введения, написанных тремя сотрудниками Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) В. Козловым, О. Эдельман и Э. Завадской.

В начале 1990-х гг. по указу Ельцина были рассекречены дела по «политическим» статьям из Прокуратуры СССР, хранившиеся в ГА РФ.

Представьте себе удивление сотрудников архива: до этого они знали только о диссидентах. И вдруг – тысячи дел об «антисоветских» высказываниях «простых» людей, об их анонимных письмах «во власть», обо всем том, что они (авторы-составители) называют «крамолой», исходящей из толщи народной... По-видимому, некоторые из архивистов (например, В.А. Козлов) никогда до того не сталкивались с проявлениями народного «протестного» поведения, а поскольку о диссидентах и протестном поведении интеллигенции к тому времени уже много писали, а о «народном протесте» - нет, то тут, само собой, появлялось большое поле для научной работы. Первым шагом данной группы архивистов было опубликование в 1999 г. книги: «58 10: Надзорные производства Прокуратуры СССР. Март 1953 – 1991: Аннотированный каталог». Это бесценное – хотя в силу ряда обстоятельств, независящих от составителей, и далеко неполное - справочное пособие по истории политических репрессий и инакомыслия с 1953 г. Однако, в этой книге не было анализа и осмысления представленного материала. Теперь составители попытались восполнить этот пробел в рецензируемой книге «Крамола».

Существовало ли вообще «народное сопротивление» режиму во времена Хрущева и Брежнева? Или же народ в целом поддерживал тоталитарный строй? Или же просто его терпел? Как в этой связи смотреть на 5 тысяч дел (кои составляют примерно половину всех дел о политических преступлениях), выявленных Козловым и его сотрудниками? Насколько они репрезентативны?

Нужно сразу отметить, что часть из этих 5 тысяч приходится на «национальные» республики (Прибалтика, Украина...), где сохранялось еще не подавленное национальное самосознание и стремление к независимости. Часть дел – опять таки не анализируемых в статьях составителей – это дела о сектантах (баптистах, свидетелях Иеговы и др.), жестоко преследуемых властями в этот период. Равным образом в книгу не включены документы о подпольных организациях, возникших в лагерях; о забастовках в лагерях; наконец, о попытках незаконного перехода границы и бегства из «страны победившего социализма». Все эти вещи – как справедливо отмечают составители – требуют самостоятельного изучения.

Наверное, вряд ли кто сейчас будет возражать, что в начальном периоде советской власти действительно существовало «народное сопротивление» режиму (гражданская война, Кронштадт, крестьянские волнения ...сопротивление коллективизации). Сложнее с другими периодами советской истории. Террор, пропаганда, изоляция от мира сделали свое дело. Выросли целые поколения, которые не знали иных миров, кроме советского. Лишь событие биологического порядка - смерть тирана (а не иностранное вторжение и/или не последовательная борьба за свободу) - привело к «оттепели».

Итак, судить ли нам об отношении народа к власти на основании нескольких тысяч уголовных дел так называемых «антисоветчиков»?

В. Козлов полагает, что эти люди и выразили «глас народа», хотя и пишет: «трудно назвать диссидентом и инакомыслящим недовольного зарплатой рабочего, напившегося и с горя назвавшего Сталина сволочью, Хрущева свиньей или Брежнева болваном». Тем не менее, он все же отваживается говорить о «народном сопротивлении режиму» (С.10, 11). Более того, Козлов, явно недолголюбивая «столичную интеллигенцию», «околодиссидентский слой столичных интеллектуалов», противопоставляет им «простой народ». «Простонародная критика режима, - пишет Козлов, - вообще говоря, более адекватно отражала традиционные паттерны российской антивластной оппозиционности, именно эти косноязычные, смутные и эклектические, эгалитаристские и патриархальные идеи сыграли в крушении «советского коммунизма», может быть, не меньшую, если не большую роль, чем интеллектуализм диссидентов с его изысканными, но малопонятными простому народу идеями» (С.17). Неясно, правда, в чем же «изыски» диссидентских идей. В отстаивании ли прав человека? В призыве ли к властям уважать собственную Конституцию? Что касается «косноязычных, смутных и эклектических, эгалитаристских и патриархальных идей» «народной оппозиционности» – то тут Козлов, разумеется, прав, и большинство документов, приведенных в книге, это подтверждает. Другой вопрос, какую роль они сыграли в крушении советского строя.

Совершенно неожиданно - и даже смешно - когда Козлов, говоря о «простонародных антисоветчиках», поднимается до эпического пафоса: «Подобные люди не оставили своих мемуаров и не создали мифов о себе, не эмигрировали на За-

пад и не написали, да и не могли написать, собственной истории». И это ведь говорится не о неграмотных русских крепостных крестьянах. Смешно это звучит – потому что добрая половина данной книги именно содержит в себе письма и «трактаты» простых людей (разделы 4-й, 6-й и, особенно 7-й, который так и называется «Сочинители»). Да и если говорить о мемуарах – вот, например, мемуары Анатолия Марченко – человека из гущи народной. Или есть еще мемуары Геннадия Темина, Николая Медведева и других «простых» людей, не эмигрировавших на Запад (если уж это так существенно...). Кроме того, ведь в России уже вышли книги, где публиковались частично или полностью письма «простых» людей в редакции и властные органы (см., например, относящийся, правда, к более раннему периоду, сборник «Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг.». М.: РОССПЭН, 1998).

Гораздо более интересен и более верен, на наш взгляд, подход к «простонародной антисоветчине» у другого автора-составителя данной книги и коллеги Козлова – у Ольги Эдельман. Она пишет: «Люди, попадавшие «за разговоры», в основном не были сознательными и убежденными противниками режима. [...] Человек во время застолья с приятелями, среди соседей по квартире или сослуживцев высказался о политике [...] пожаловался на жизнь... Часто толчком для такого рода разговоров служила какая-либо житейская коллизия... [...] даже ссора с женой – и расстроенный советский гражданин начинал ругать власти...». Далее Эдельман дает свое объяснение «протестному» поведению и сознанию простого человека: «Чем менее грамотен и втянут в жизнь больших городов был человек, тем большую власть над ним имели представления из области коллективного бессознательного. В наиболее чистом виде они выражены в суждениях социально неблагополучных людей: маргиналов, лиц без места жительства и работы, заключенных-уголовников... Анализируя мироощущение наших персонажей, уместно обратиться к классическим теориям мифа». Итак, слово найдено: «мифологизирующее сознание».

О. Эдельман утверждает, что это сознание просто «переворачивало» официальные мифы:

если официальная пропаганда утверждала, что в СССР – рай, а в Америке – ад, то в мифологизирующем сознании возникает образ Америки как «земного рая». Действительно, такой процесс происходил. Но все-таки нельзя отделаться от мысли, что - и на самом деле -если тоталитаризм это ад, то демократия ведь какой-никакой, а рай? Когда многие «персонажи» данного сборника утверждали, что в США безработные живут лучше, чем рабочие в СССР – разве они были неправы?

Как относились окружающие к «простонародным антисоветчикам»?

Э. Завадская пишет: «Люди, избравшие форму индивидуального публичного протеста для выражения своего недовольства политикой режима, редко добива-

лись открытой поддержки окружающих – их воспринимали скорее как самоубийц или сумасшедших».

Действительно, так оно и было. И это отражено в советской художественной литературе.

Например, Василий Шукшин не мог, разумеется, описывать «антисоветчиков», но в его произведениях фигурируют «чудики» и «правдоискатели» - типично русские натуры из народа. В рассказе «Штрихи к портрету. Некоторые конкретные мысли Н.Н. Князева, человека и гражданина» (1973 г.) выведен такой «правдоискатель», который пишет трактат о государстве (с позиций этатизма) и чуть не попадает в сумасшедший дом. Вот такие именно правдоискатели и оказываются в тюрьмах, лагерях и психушках, и их дела фигурируют в данной книге, особенно в разделе «Сочинители».

В комментариях к разделу «Листовки и «подметные письма» О. Эдельман задается вопросом, почему вообще люди писали анонимные письма с критикой советского строя? Что ими двигало? Она полагает что, «называние зла по имени» было своего рода «заклятием зла», отчего «зло должно то ли исчезнуть, то ли утратить силу, поскольку произнесение (знание) имени дает власть над его носителем». Далее она пишет и об «унаследованном из русского фольклора мотиве «поисков правды»».

Вряд ли «правдоискатели» унаследовали свои устремления из русского фольклора. Просто: стремление к «правде» было у них в крови (не является ли фольклор проявлением ментальности?).

Оригинально объясняет О. Эдельман и проблему анонимности: «Анонимность – это не только потому, что страшно, хотя эта сторона дела несомненно важна, но и потому, что выступать от собственного лица как-то даже и нескромно: а кто ты такой, чтобы твое мнение имело значение; другое дело, если это мнение – коллективное, гораздо лучше обезличить себя в «народе»».

Правозащитное движение в принципе отказалось от анонимности, и О. Эдельман отмечает, что когда под письмами в редакции и руководящие органы стали появляться подписи, «это само по себе уже означало разрушение прежней структуры мышления. Представление о значимости персонального мнения, а следовательно и роли личностного начала [...] сигнализировали об изменениях в коллективном бессознательном».

Тема влияния западных радиостанций на население в целом (до сих пор как следует не изученная) и на «антисоветчиков» в частности не раз возникает на страницах сборника.

Так, О. Эдельман пишет о том, что зарубежное радио слушалось всей страной, и что в этих передачах «внушалась мысль о том, что западная демократия альтруистически сочувствует страждущим от коммунистической тирании». Альтруистически? А, может быть, эгоистически? Ведь именно в собственных инте-

ресах западных демократий была трансформация «тирании» с ядерным оружием в более-менее «нормальное» государство.

Другое дело, когда «антисоветчик» пишет письмо в американское посольство с предложением своих услуг – скажем, в качестве шпиона (в данном сборнике есть такие дела). При всем сочувствии американских дипломатов к «страждущим», они должны были каждый раз приходить в ужас, получая такие письма и (справедливо, с их точки зрения) рассматривая их как провокацию КГБ.

Как правило, обвинительные заключения по делам «антисоветчиков»-одиночек начинались с объяснения того, каким образом данный гражданин «дошел до жизни такой». И обычно присутствовала такая формулировка: «Под влиянием передач «Голоса Америки»...».

Т.е., данная формулировка была для следствия вполне удобной – не нужно было объяснять поведение данного лица социальными или политическими условиями. Удобна она была и для обвиняемого: на вопрос «кто на Вас повлиял?» можно было ответить: «иностранный радио!», а конкретных лиц – если таковые были – скрыть.

Вообще же иностранное радио слушали прежде всего, чтобы узнать о том, что происходит в родной стране. Это в свое время засвидетельствовал «сам» Горбачев в 1991 г. Так оно в какой-то мере и до сих пор...

В конце данного сборника представлены некоторые документы КГБ, направленные в ЦК КПСС. В одном из них – докладной записки от 3.04.1968 г. - рассказывается, что благодаря иностранному радио имена Григоренко, Вольпина-Есенина, Якира, Литвинова и Л. Богораз стали известны широкой публике и их квартиры «притягивают к себе различного рода антисоветчиков, специально приезжающих в Москву...». Что же говорят диссиденты «антисоветчикам» из народа? Зафиксирован ответ Павла Литвинова одному такому «антисоветчику» (возможно, что это магнитофонная запись подслушивания, поскольку слова Литвинова взяты в кавычки, т.е. аутентичны):

«...Сейчас ставить вопрос о системе (имеется в виду государственный и общественный строй СССР) (пояснение авторов докладной записки – Б.В.) рано... Пусть власть держится на штыках, но народ ее принял. Она что-то дает, уровень немного повышается... То, что мы делаем, не политическая борьба, это борьба за возможность политической борьбы. Вопрос о системе можно ставить в разговоре, но широко его не ставим. Пока рано» (С.393).

* * *

В какой-то момент О. Эдельман признается: «...внутренний мир простого советского человека для нас не менее загадочен, чем, к примеру, популярный у исто-

риков «внутренний мир человека Средневековья»). Странное признание! Этим самым коллега В. Козлова как бы отгораживается от «простых» людей и относит себя к нелюбимой Козловым «столичной интеллигенции». Но так уж ли загадочен мир простого советского человека? Так уж ли непроницаем? И так уж ли он отличен от мира столичных интеллигентов? Советский человек – он ведь никуда не делся: все эти люди живы до сих пор, так что портрет советского человека - простого ли, интеллигента ли – еще не поздно воссоздать со всеми его, как выражается Козлов, «паттернами».

(Борис Вайль)